

МАРИНА СЕРОВА

**Соблазны
и разведи**

Сернал
"Телохранилель Евлениа Охотникова"

Марина Сергеевна Серова
Между двух мужей
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298612
Соблазны и разведки; Между двух мужей: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39999-4

Марина Серова

Между двух мужей

Эту дачку мы с тетей Милой сняли на все лето у ее старой школьной подруги. (Вот я написала сейчас это первое предложение и подумала, что допустила в нем сразу две фактологические ошибки. Во-первых, этот солидный, на совесть срубленный пятистенок из сосновых бревен, окна террасы которого выходят прямо на зеркальную гладь озера, а остальная часть утопает в тени вековых сосен, совершенно неправильно было бы называть просто дачкой. Во-вторых, Капитолина Сергеевна Загосина – владелица этого особнячка – вовсе не сдала его нам, а сама попросила, чтобы мы совершенно бесплатно переселились сюда на три летних месяца.)

– Девочки, пожалуйста! Ну зачем вам дышать пылью в городе? Женечка, тебе так необходим отдых, ты же работаешь как проклятая! Знаете, сколько стоит снять дачу на заповедном берегу озера? Это сумасшедшие деньги! Не каждый может себе позволить. А я с вас не возьму ни копейки, совсем-совсем ничего...

– Но... – вплеснула ручками тетя Мила, что должно было означать щепетильный отказ.

– Ох, Мила, не спорь! Вы же меня выручите – присмотрите за домом! Я же места себе не найду при мысли, что в нем никто не живет...

Это правда – Капитолина всегда смертельно боялась грабителей, бомжей, психически неуравновешенных поджигателей и прочих деятелей, чья активность с наступлением дачного сезона возросла неимоверно.

– Капочка, а разве ты сама не...

– Ах нет! Дети мои все лето работают и жить здесь не смогут, а я... Я... если честно, девочки, я уж-жасно боюсь сглазить и поэтому больше пока ничего вам не скажу. Но мне никак, никак нельзя сейчас отлучаться из города. Я... у меня роман! – вдруг шепотом, одними губами произнесла шестидесятилетняя Капа, и ее всегда похожие на увядшие незабудки выцветшие глазки засверкали, как промытый специальным составом хрусталь в тетушкином серванте.

При известии о том, что у Капитолины случилось некое романтическое приключение, тетя Мила в восторге вплеснула руками и тотчас же снова сцепила их под своим пухлым подбородком, а я быстро опустила глаза и постаралась «навесить» на физиономию выражение вежливого изумления. Хотя, конечно, это было забавно. Не то чтобы я не допускала и мысли о возможности романов в среде пенсионеров, но все-таки Капа никогда не отличалась особой любвеобильностью даже и в свои более молодые годы.

Хотя и имела для этого все возможности.

В юности – очень миловидная, стройная, белокожая, синеглазая блондинка – Капитолина решила связать свою судьбу с театром. Она закончила наш местный театральный ин-

ститут и, хотя большой актрисой не стала, не сходила с театральных подмостков до самого последнего времени. Сначала ее тоненькую фигурку с короткой стрижкой можно было узреть в ТЮЗе, со сцены которого она звонким голосом призывала пионерию крепить «партии дело делами своими»; затем слегка располневшая Капа, в пышных платьях с кринолинами, лет двадцать падала в объятия героев-любовников в водевилях, поставленных по произведениям Чехова и Островского; а впоследствии шаркающая утиная походка, высокая седая прическа и оплывшая талия прочно укрепили позиции Капитолины в амплу комических старух.

В жизни Капа не слишком-то отличалась характером от своих героинь. Все та же милая нелепость в поведении, экзальтированная речь с непременноми придыханиями и вздохами, наивные судорожные восторги из-за любой ерунды и чрезмерная впечатлительность, нередко становившаяся причиной легких обмороков.

Дружившие в молодости, моя тетя Мила и Капа несколько поумерили интенсивность общения после Капиного замужества и вновь встретились лишь недавно. Это и неудивительно: слишком малое их объединяло. Богемой и всякого рода «гламуром» тетя Мила интересовалась ровно в тех дозах, какие ей предлагали статьи о знаменитостях, публикуемые в журналах для домохозяек.

А с тех пор как к ней переехала единственная племянница, то есть я (это произошло сразу же после скоропалитель-

ной женитьбы моего отца-генерала), тетушка направила всю свою жизненную энергию на осуществление одной цели: во что бы то ни стало «пристроить Женечку замуж за хорошего человека».хлопоты тети Милы на этот счет бывали порой довольно утомительными, но, в общем, со временем я научилась не обращать внимания на ее увещевания.

– Женечка, ну почему, почему ты не выходишь замуж?!

– Чтобы мой несостоявшийся муж оставался счастливым человеком, тетя.

Такие или примерно такие диалоги у нас происходили едва ли не ежедневно.

А Капа, с тех самых пор как возраст и пришедшие вместе с ним астма и гипертония стали затруднять ее театральную деятельность, выйдя на пенсию, начала все чаще искать общества своей бывшей школьной подруги. У них по-прежнему было очень мало общих тем для разговора, но тетя Мила, вообще обладавшая жалостливым характером, жалела и Капу: постаревшая отставная актриса была очень одинока.

Муж бросил ее уже без малого тридцать лет назад, оставив «на поле супружеской битвы» достаточно средств, чтобы бывшая женушка не чувствовала себя обделенной по части жизненных благ. Например, эту дачу, а также городскую квартиру и несколько старинных картин – он был ценителем живописи. Единственный сын Капитолины, Борис, женился и ушел из дому. Капитолина жила одна и заметно тосковала. Единственным ее утешением – даже, можно сказать, стра-

стью – до сих пор служила мстительная ненависть, с которой она делилась с нами воспоминаниями о своем «бывшем». В адрес покинувшего ее когда-то супруга Капа все еще порой запускала такие словесные обороты, которыми наверняка заинтересовался бы сочинитель текстов для группы «Ленинград». То, что бедного горе-супруга давно уже не было в живых, Капитолину с действительностью отнюдь не примирило.

Но я отвлеклась, а ведь начать рассказ об этой истории я собиралась совсем с другого.

* * *

Итак, вот уже около месяца мы с тетей жили на Капитолининой даче, наслаждаясь ароматами хвои, плеском озерной воды, чистым воздухом, тишиной и так далее, и тому подобное. Я лично все дни пролеживала в гамаке, натянутом между двух деревьев посреди небольшой поляны у дома, и читала всякую ерунду: журнальчики, детективчики, глупейшие любовные романчики, периодически засыпая и вновь просыпаясь оттого, что белки, распушив хвосты, перепрыгивали с сосны на сосну и устраивали веселую возню прямо над моей головой.

Я отдыхала и в ближайший месяц, как минимум, не собиралась заниматься ничем серьезным. Мне действительно требовалась передышка. В последнее время заказы сыпались

на меня один за другим, и я совершенно не высypалась, сильно похудела и, наверное, выглядела тоже не на все сто. Недаром даже Капа это заметила!

Да и стоит ли удивляться моей измотанности, ведь у моей профессии отнюдь не женское лицо. Я – телохранитель. Да-да, женщина-телохранитель. Непривычно звучит? А тем не менее заказов у меня бывает больше, чем можно себе представить.

Мужчины, возвращенные заветными некрасовскими строками («коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»), все чаще желают видеть при себе в качестве личного телохранителя эффектную даму на шпильках и с револьвером, спрятанным за резинкой чулка. «У баб чутье на опасность просто зверское, с ними в любой переделке не страшно, а потом они еще и сопли охраняемому клиенту утереть помогут», – такой примерно отзыв слышала я от одного своего заказчика. А раз на мою профессию есть спрос, значит, имеются и предложения.

Падать пузом в грязь, не жалея вечернего наряда, стрелять с обеих рук, быстро бегать на шпильках и спинным мозгом чувствовать опасность, – этому всему я научилась давно. И на отсутствие работы мне все последние годы жаловаться не приходится.

Но отдыхать все-таки надо. Вот я и отдыхала, лежала в гамаке, почитывала журнальчики, гоняла белок и слушала по вечерам, как тетя Мила на террасе воет с комарами, а

из-за близости озера к вечеру их налетало к нам мириады. Комарье и всякого вида гнусь, от которых не спасал даже «Раптор», – это было единственным, что отравляло тете Миле жизнь. Они в буквальном смысле слова доводили ее до слез, чего я искренне не понимала.

– Женечка! Они опять здесь! – как только начинало темнеть, горько стонала она, сидя на веранде, и полотенце взлетало над тетушкиной головой, как пропеллер. – Наглые! Жирные! Жужжат! Ничего не понимают! Женя! Что мне с ними делать?!

– Поймать каждого поодиночке – и тапками его по мордасам, – лениво бормотала я, не вставая с гамака и лишь набрасывая на себя старенький плед, потому что к вечеру от воды начинало тянуть сыростью.

– Женечка, ну я же серьезно! Ты же умная, смелая, все знаешь, все умеешь... ну подскажи ты мне какой-нибудь способ! Какой-нибудь способ есть, чтобы их всех побороть?! – чуть не плакала тетушка.

– Ага. Бросок через плечо с переломом позвоночника, – бормотала я, но уже тише, потому что тетя Мила на шуточки подобного рода могла отреагировать весьма нервно.

Но в конце концов жалость к единственному существу, которое вызывало во мне родственную и никогда не преходящую нежность, победила, и на следующее же утро мы с тетей Милой отправились на моем «Фольксвагене» в город, чтобы закупить всякой разной химии для тотального уни-

чтожения этих кровопийц.

А вернувшись, мы обнаружили, что к нам гости. Со скамейки, стоявшей у дома, навстречу нам поднялась грузноватая фигура.

– Милена Андреевна! Здравствуйте, – негромко обратилась она к тете Миле.

– Добрый день... – растерянно ответила та.

Я вгляделась в немолодое лицо женщины, показавшееся мне смутно знакомым. Не столько некрасивое, сколько неухоженное – с сероватой кожей, какими-то размытыми следами дешевой косметики, словно бы прорезанное поперек полоской тонких бесцветных губ... где я видела это лицо?

– Я – Зина... Зина, Борина жена. Ну, Бори, сына Капитолины Аркадьевны!

– А... Да-да!

– Простите, что я так поздно. Разрешите войти? Ненадолго, на несколько минут. Мне очень, очень надо с вами поговорить!

– Господи, Зиночка, конечно, – захлопотала тетя Мила. – Входи, дорогая моя, входи! Да что ж ты спрашиваешь, господи, ты же здесь практически у себя дома... – Поднимаясь на террасу, она суетливо рылась в сумочке с ключами.

А Зина – теперь я тоже ее узнала – наблюдала за тетушкой рассеянным взглядом, машинально заправляя за ухо выбившуюся из прически прядь волос. На ней было бесформен-

ное, сильно вытянутое на локтях трикотажное платье с короткими рукавами, открывавшими ее бледные худые руки с синими дорожками вен. И босоножки с сильно стоптанными задниками – боже, сколько лет она их носит? «А ведь могла бы быть вполне приятной женщиной, природа тебя ни в чем не обделила, – подумала я с естественным женским осуждением. – Если бы просто следила за собой! Сколько же ей лет? Борису, кажется, уже за сорок...»

Сопровождаемые тетушкиным гостеприимным клыканьем, мы наконец вошли в дом. Я сразу прошла в летнюю кухню, чтобы пристроить там пакеты с покупками (вместе с комариной погибелью мы заодно затарились и продуктами на неделю вперед), а когда вернулась, Зина уже сидела напротив тети Милы, вцепившись обеими руками в край скатерти, покрывавшей большой дубовый стол, и с силой выталкивала из себя обрывистые фразы:

– Милена Андреевна, милая, вы должны как-то это остановить! Согласитесь, ведь это курам на смех – замуж! В ее-то годы! И за кого, за кого – бож-ж-же мой! За мальчишку, юнца какого-то двадцатипятилетнего! Это же дурь, дурь, старческая причуда, маразм! Господи!!!

– Но, Зина... это же не запрещено законом, – растерянно хлопала глазами тетя Мила.

– Ах, боже мой, ну при чем тут закон?! Есть же какие-то рамки приличия, нормы поведения, общественное мнение, в конце концов! Милена Андреевна, ну подумайте сами –

тридцать пять лет разницы! Он же ей во внуки годится!

– Вы о ком? – не сдержала я своего любопытства.

– О свекрови, – бросила Зина в мою сторону, но головы не повернула.

– Елы-палы! Капитолина выходит замуж за двадцатипятилетнего парня?!

– Представьте себе!

– Но почему?!

– Женечка, ну что за вопросы ты задаешь! – робко вмешалась тетя Мила. – Почему женщины выходят замуж? По любви!

– Но не в шестьдесят же лет!

– А если она полюбила?

– Господи, да о чем вы говорите-то!!! – взвыла Зина и дернула скатерть. Конечно, она сделала это нечаянно и сама же испугалась и отпрянула, когда большая керамическая ваза, стоявшая на столе, покачнулась и упала на бок, выплеснув на Зину воду и усыпав ее подол начинающими увядать незабудками.

Гостя брезгливо отодвинулась и стряхнула с себя цветочные трупки. Но это мелкое происшествие несколько не отвлекло ее от цели визита. Не обращая внимания на тетю Милу, которая засуетилась и забегала в поисках тряпки, чтобы подтереть мутную лужицу, Зинаида обратилась уже напрямую ко мне:

– Женя!!! – обернувшись, она цепко ухватила меня за ру-

кав. – Ну посудите сами: разве это не безумие? Замуж! В ее-то шестьдесят лет!

Слегка одутловатое лицо и короткая шея нашей гостьи на глазах покрылись красными нервными пятнами, под глаза ее осели черные точки осыпавшейся туши. Тонкие губы в разводах смазанной помады некрасиво кривились, а редковатые брови взмывали вверх при каждом вскрике.

– Вообще-то это ее личное дело, – протянула я.

– Да, личное дело, – повторила тетя Мила, снова присаживаясь к столу. – Может, Капа полюбила...

– Но вы поймите: он же альфонс!

– Кто альфонс?

– Да этот... жених! Вадик, – с отвращением произнесла Зина. – Господи, да будьте же вы обе наконец серьезны! Ему двадцать пять, а Капитолине Аркадьевне – шестьдесят! О какой любви тут можно говорить, о какой?!. Она – пожившая женщина, старая, обеспеченная... Он – какой-то там художник-неудачник, из тех, кто портреты за сто рублей в парке мазюкает! Ведь ясно же как день: ему нужны ее деньги! И квартира! И дача! Ее драгоценности, наконец! И представьте, – Зина уже почти срывалась на фальцет, – она все это уже ему завещала!

– Как завещала?!

– Оформила завещание!!! – завизжала наша гостья. – Официально, у нотариуса! Я видела эту бумагу у нее в секретере! И все, все, все – она оставила этому подлецу, этому

негодяю, этому мерзавцу с голубыми глазами! Я Боре говорила: да ему освидетельствовать свою мать надо, опеку на нее оформить, как на ненормальную!

Это уже было серьезно. Насколько я знаю, с годами Капа приобрела одну довольно-таки неприглядную привычку. Она стала весьма скуповата, и порой это качество активизировалось в ней до неприличия. Например, она перестала давать деньги сыну – в те редкие минуты, когда Борюсик, поджуживаемый Зинаидой, заикаясь и мямля, обращался к матери с просьбой об одолжении. Или забирала с собой из ресторана (в которые ее изредка приглашали я с тетей Милой) остатки недоеденных блюд. Случалось Капитолине и склочно торговаться на рынке из-за пучка моркови, и по нескольку раз перелицовывать одну и ту же протершуюся до ниток основы юбку. Все это было мелко, некрасиво, пошло – но вполне укладывалось в мои представления о женщине, охваченной страхом оказаться к старости в полной нищете. Положа руку на сердце, нищета Капе отнюдь не грозила (при желании за ее добротную дачу и две-три ювелирные безделушки можно было бы выручить круглую сумму), но меня лично ее скопидомство не касалось, а тетя Мила на этот счет просто пожимала плечами.

Однако... Если Капитолина действительно оформила завещание на неизвестного молодого человека – значит, она и в самом деле уже видела себя преданной женой какого-то прощелыги!

– «Мерзавец с голубыми глазами» – это, конечно, очень сильный образ, – заметила я слегка сардонически, – но я не вижу, чем тут можно помочь? И вы знаете, Зина, даже не хочу особенно стараться.

– Ох, ну да как же...

– Мне не нравится, когда здоровых людей начинают подзревать бог знает в чем. Почему вы сразу записываете Капитолину в сумасшедшие? Может, тут что-то другое...

– Да что другое, что? Любовь?!

– Может быть, и любовь. – Эта сказка про белого бычка начинала действовать мне на нервы.

– А мне вот кажется, что эту старую дуру нужно просто запереть в сумасшедший дом!!!

Тетя Мила вздрогнула и поспешно вмешалась в разговор, грозивший обернуться скандалом:

– Девочки, умоляю вас, не ругайтесь! Зиночка, дорогая, выпей воды или валерьянки... хочешь валерьянки? Хочешь? – Она предлагала валерьянку таким тоном, каким соблазняют раскапризничавшихся малышей мороженым. – У нас очень хорошая валерьянка! А с Капой мы поговорим, Зина, не беспокойся! Завтра же съездим в город и поговорим. Конечно, Зинуля, я тебе ничего не обещаю, но если этот мальчик, ну, я имею в виду, если этот жених... Капин жених... если он действительно такой непорядочный человек... то нужно как-то воспрепятствовать...

Она еще долго продолжала бормотать всякую чепуху в по-

добном роде и утешать Зину, но та разразилась злыми рыданиями – уже во весь голос. Стало ясно, что в ближайшее время вернуться к своему гамаку просто так мне не дадут. Вздохнув, я встала и, даже не извинившись, спустилась с террасы в сад.

* * *

Не скрою, что, хотя во время этого разговора я и возражала Капиной невестке – большей частью из-за того, что она попыталась навесить на нас с тетей Милой свои проблемы, – но, вообще-то, я отнюдь не считала совершенно нормальным то, что Капа вполне может себе позволить выйти замуж за какого-то мальчишку.

Стоило мне закрыть глаза и представить себе Капу – маленькую кругленькую старушку с белым мягким лицом в сеточке морщин и розовых прожилок, с седыми буклями и двумя похожими на брыли складками щек, идущих от шеи к подбородку, – как сразу же становилось ясно, что ни в какие невесты для молодого человека она не годится. Да что там! Я только на секунду нарисовала себе картину, в которой Капа сидит в своей обшитой рюшами ночной сорочке на двуспальной кровати, а некий молодой человек, неловко смеясь, робко дотрагивается до ее обвисших плеч – и мне стало не по себе.

На следующий день тетя Мила уговорила меня съездить

к Капитолине.

– Сейчас?

– Ну да, я уже договорилась. Они нас ждут.

– Кто это «они»?

– Ну, Капа и этот... Вадик.

Через пять минут мы уже выезжали с территории дачи, а еще через полчаса притормаживали у старинной высотки в центре города. Просторную «сталинскую» квартиру Капа также подобрала на поле боя в качестве трофея после громкого развода с «бывшим». Это было единственным, что ее утешало, кроме дачи.

Тетя почему-то не захотела ехать на лифте, и мы стали подниматься по лестнице.

Капитолина встретила нас на лестничной площадке четвертого этажа – она жила на восьмом. В лиловом платье с люрексом и легком шарфике бежевого цвета, она нетерпеливо переступала коротенькими ножками и призывно махала нам своей маленькой птичьей ручкой. Стоило нам с тетушкой преодолеть последние ступени, как Капа шагнула ей навстречу, прижалась к моей тете напудренной щекой и прошептала в радостном упоении:

– Милочка, милая, как я рада, что ты пришла! Родненькая моя, хорошая, ну кто, кроме тебя, сможет разделить мое счастье? Я дождалась, подруженька, наконец-то я дождалась! Он такой, такой...

Мы двинулись на восьмой этаж (на лифте, к счастью).

От Капы пахло хорошими духами, дорогой косметикой и красивым мужчиной. А вот и сама эта причина нашего визита показалась в дверном проеме Капиной квартиры: высокий красавец, раскудрявый, как виноградная лоза, и стройный, как породистый рысак!

Он действительно был молод, пронзительно молод, и дивно, опереточно красив: тут и крупные волны белокурых кудрей, и романтическая бледность щек, и загнутые кверху ресницы над всегда смеющимися глазами, и беззащитная припухлость румяного рта – словом, почти пасторальный персонаж, который так и просился на картинку, иллюстрирующую уроженцев счастливой страны Аркадии...

Капин избранник слегка поклонился нам и приглашающе придержал тяжелую дверь:

– Проходите, проходите. О, я оказался прямо в цветнике!

Я оторопело кивнула (оказывается, красивые мужчины еще могут на минуту лишить меня душевного равновесия – к этой мысли надо привыкнуть!) и поспешно проскользнула в Капину прихожую. Тетя Мила задержалась на площадке. Хлопая глазами и беззвучно открывая рот, она разглядывала белокурого Аполлона в светлых джинсах, а тот выдерживал ее взгляд со стоическим спокойствием.

Ростом Капитолина едва доходила своему возлюбленному до груди. И, несмотря на то, что ситуация продолжала оставаться нелепой, было что-то очень трогательное в том, как она смотрела на Вадика снизу вверх с немим обожанием и то

и дело благоговейно касалась его своей воробьиной лапкой.

Вообще у Капитолины была странная для бывшей актрисы привычка все время быстро дотрагиваться до какого-либо объекта или теревить в пальцах любой машинально взятый предмет.

Наконец после некоторой суеты в прихожей под Капины восторженные повизгивания мы прошли в комнату и чинно расселись на диване.

Парадная комната Капитолины, как всегда, была под завязку набита разными дурацкими безделушками. Здесь были и фарфоровые собачки, и соломенные шкатулочки, и подушечки с кистями, всякие пуфики, коврики, слоники на этажерке. Стены «давили» на посетителей таким же безвкусием. Там, где не висел коврик с оленями, обязательно скакал Серый волк с Аленушкой, томились пухлозадые полуголые восточные красавицы с кальянами, тарасили глаза тонкошеие лебеди на зеркальном пруду. Смешные потрепанные картины в по-купечески золоченых, пудового веса рамах...

Над креслом, в которое опустилась Капитолина, грозно нависал многокилограммовый багет с каким-то жутким гусаром с тараканьими усами. Конь под ним больше смахивал на циркового ослика, а бодро выставленный клинок в крепкой руке – на шашлычный шампур.

– Ну, – торжественно вскричала Капитолина, с трудом отводя от Вадика сияющие глаза и переводя взгляд на тетю Милу, – вот вы и познакомились! Котик, это Мила – моя луч-

шая подруга! Я надеюсь, что ты полюбишь ее...

– ...почти так же, как тебя, моя дорогая, – покровительственно сказал Капин бойфренд и ласково похлопал ее по руке, покрытой мелкой старческой «гречневой» крупкой.

Капа счастливо засмеялась и кокетливо склонила набок красиво завитую головку:

– Вот он у меня какой!

Вадик оглядывал нас с тетей Милой, даже не пытаясь пригасить насмешливых искр в своих действительно очень красивых голубых глазах. Конечно же, ему была вполне понятна причина нашего визита, но он отнюдь не стеснялся своей неприглядной роли жиголо при богатой увядающей дамочке.

Впрочем, какое-то наличие такта в Вадике все же присутствовало:

– Дорогая, если ты позволишь, я не стану вам мешать. Когда две... простите, – легкий поклон в мою сторону, – три красивые женщины собираются вместе, мужчины становятся лишними. Вы, наверное, хотите посудачить...

– Посплетничать, – проворковала Капа нежно, все так же взирая на своего суженого снизу вверх и накручивая на палец седой локон.

– ...в том числе – я надеюсь! – и обо мне. Поэтому, если ты позволишь, я пойду прогуляюсь... ненадолго.

– Ненадолго, – повторила влюбленная Капа и снова залилась негромким, слегка истеричным смехом.

Вадик с преувеличенной почтительностью откланялся и

покинул нас. Тетя Мила вопросительно повернулась к Капе – а ту вовсе и не нужно было поощрять! Желание кому-нибудь поведать о враз привалившем ей женском счастье настолько явственно плескалось в ее душе, переливаясь через край, что в первые минуты разобрать нельзя было ничего. Сплошные «милочка, я счастлива-счастлива-счастлива», вскрики, всплески, вздохи, закатывание глаз и тому подобное.

В конце концов мне пришлось взять разговор в свои руки, и при помощи нескольких моих энергичных и конкретных вопросов блаженное Капино журчание оформилось наконец в более или менее связный рассказ.

* * *

...Они познакомились при обстоятельствах, которые при менее благополучной развязке можно было бы назвать трагическими: на Капитолину напал грабитель.

Разумеется, дело было вечером, при полной тьме и устрашающем безлюдии. Без этого обрамления произошедшее с Капой событие было бы лишено для нее особого романтического колорита.

Капитолина направлялась к своему дому с троллейбусной остановки. Она только успела миновать зловеще-пустынную дворовую арку и мелко засемила к своему подъезду, прижимая к груди сумочку, оглядываясь по сторонам и отчаянно труся – как из подъезда вдруг выскочил человек!

Капин отчаянный взгляд сумел лишь зафиксировать его невысокий рост, низко надвинутую на лоб вязаную шапочку и поднятый воротник темной куртки. Грабитель резко толкнул Капу в грудь – она осела на землю – и выхватил у нее из рук сумочку, в которой были пять таблеток нитроглицерина, чистый носовой платок, рецепт на сердечное средство и пятьдесят рублей денег.

В несколько быстрых прыжков мазурик достиг арочных ворот и растворился в темноте. Капа осталась сидеть на земле в несуразной позе обиженной шпаной первоклассницы. Она часто-часто моргала и то и дело открывала рот, из которого тем не менее не вырывалось ни звука.

Вдруг из-за ворот послышался какой-то шум, раздавались звуки перебивающих друг друга голосов. Они приближались. Капа совсем уже было приготовилась упасть в обморок, но сильные руки, которые бережно, но настойчиво помогали ей подняться с земли, лишили женщину этой возможности. Она судорожно вздохнула и со всей силы вцепилась в руки своего спасителя – вернее, только в одну его руку, потому что другой он крепко держал за шиворот Капиного обидчика. Так крепко, что воротник его дутой куртки уже выражал свое недовольство громким треском.

– Это ваше? – послышался красивый баритональный дискант. Под носом у Капитолины оказалась ее украденная сумочка.

– Ах-х.....

– Вам плохо?

– Н-нет, – Капа наконец обрела дар речи. Она с благодарностью воззрившись на благородного рыцаря. Этим Ланцелотом и оказался Вадик.

– Мой будущий муж, – подтвердила она нам стеснительно. – Вот так мы и познакомились. Ах, Милочка, мне было так плохо в этот ужасный... ах, нет, напротив! – в этот счастливый, ну конечно же, счастливый вечер! Так плохо, что Вадика пришлось отпустить этого жуткого грабителя, иначе он не смог бы помочь мне подняться в квартиру, и уложить меня на кровать, и «Скорую» вызвать, и накапать лекарство – господи, я-то уж совсем ничего не соображала! И представляешь, когда «Скорая» уехала, он не захотел оставлять меня одну. И весь следующий день – тоже. Я лежала в кровати, пила валокордин и плакала, плакала... А он меня утешал. А потом куда-то сходил и вернулся с этюдником. И прямо вот в этой комнате он раскрыл его и стал рисовать! Писать мой портрет. Ведь Вадик – художник, он очень хороший художник, моя дорогая... Он говорил, что я напоминаю ему Мессалину...

Я подавилась собственным вздохом и обернулась на тетю Милу. Она не мигая смотрела на Капитолину, но в глазах ее плясали дьяволята.

– На Мессалину? – спросила я, нахмурившись.

– Да... – зарделась Капа.

– ...на дочь римского консула и первую супругу импера-

тора Клавдия?

– Да...

– ...покровительницу искусств?

Хозяйка дома скромно кивнула.

– ...легендарную красавицу?

Капа вновь кивнула и, опустив глаза, стала собирать подол своего платья в мелкие складочки.

– ...известную всему Риму своим распутством?!!

Капитолина вздрогнула, подняла голову и вскочила с места.

– Женя!!! – Голос ее пресекался от обиды, складки кожи у подбородка затряслись, как у разгневанной болонки. – Как же ты можешь!!! Я же тебе всю душу раскрываю, а ты... Ты!!!

– Дорогуша, не сердись, лапочка! – Тетя Мила обняла гневно дрожащую подругу. – Ну, не дуйся, Женечка, конечно, пошутила – точно так же, как и твой Вадик пошутил. Ну какая же ты Мессалина? Ты же не собираешься, как это делала она, убивать любовников после каждой ночи любви?

– Каких еще любовников?! Дорогая моя, я же почти что замужем!

– Почти что?

– Ну да, потому что... потому что мы еще не расписались. Но мы просто не успели, – как бы оправдываясь, объяснила нам Капа. – И вообще, это так удачно, что вы зашли, потому что мы как раз хотели пригласить вас на свадьбу. В пятницу.

В три.

– На свадьбу?

– Нет, ну... это даже не свадьба, а... Просто утром мы с Вадиком распишемся, а к обеду ждем гостей. Нас будет, – Капа отпустила край бахромчатой накидки, который она успела заплести в мелкие косички, и посмотрела на свои растопыренные пальчики. – Так... Значит, вы обе... потом Борюсик со своей Зиной, и Светочка – пять... Еще Рая и Илоночка...

– Кто это – Рая и Илоночка?

– Ну как же, Рая – это мать Владика, а Илона – его сестра... Значит, итого вместе с нами – девять человек. Посидим, поговорим, все обсудим...

– Капа, – задумчиво сказала тетя Мила, осторожно дотронувшись до ее плеча, – а ты уверена, что тебе нужна эта свадьба? Зачем тебе штамп в паспорте, вся эта бюрократия? Для женщины главное – свобода! Вдруг ты полюбишь другого – и твой Вадик начнет закатывать тебе сцены ревности, представляешь, какая эта головная боль, все эти разрывы, скандалы, развод, и все – нервы, нервы...

«Да еще, не дай бог, пойдут дети – а это такая обуза», – в тон тети-Миленным увещаниям ехидно подумала я, но благоразумно промолчала.

Капа вновь расправила на коленях подол своего лилового платья и глубоко вздохнула.

– Я понимаю. Вы не думайте, что я совсем уж дурочка – я

все понимаю. Конечно, любой сочтет, что это дикость с моей стороны – тридцать пять лет разницы, я стара – да-да, милая, не спорь! – а она так красив и... молод. Но милая моя, как я хочу жить! – она резко вскинула завитую головку. – Я хочу жить!!!

Никто не собирался лишать Капу жизни в ближайшее время, и я хотела было сказать ей об этом, но она сама пресекла мои попытки раскрыть рот. Она дернула ножкой и тем самым нечаянно пнула меня острым носом своей туфли, после чего мне оставалось только закрыть рот и незаметно потереть ушибленное место.

– Я хочу жить!!! – в третий раз сказала Капа, часто-часто потряхивая седыми бугрями, высоко задирая головку и глядя на нас с отчаянным вызовом. – Хочу наконец ощутить себя женщиной – желанной, желанной женщиной, на которой хотят жениться, а с его стороны это так романтично: доказать мне свою любовь, пойти со мной в ЗАГС! Ведь это он, он сам сделал мне предложение! Милочка, дорогая, ну подумай сама: что я видела в жизни? Мой первый муж бросил меня с Борюсиком на руках, одну – ах, какая это была обида! Эти вечные ночные бдения у постели больного мальчика, а потом, когда он вырос, – этот постоянный контроль, я ведь так боялась, что Борюсик отобьется от рук! У меня не было поклонников – ты знаешь, я всю себя посвятила Борюсику, я не сделала карьеры, и что меня ждало бы в дальнейшем, если бы я не встретила Вадика?! Ведь это он принес в мою

жизнь Любовь, и какая разница, каким образом это случилось и как все это выглядит со стороны? Он возносит меня до небес. Он говорит, что я – настоящая! Что я уже никогда не буду меняться, метаться, сравнивать его с другими, изменять, в конце концов! Что я отношусь к тем ярким личностям, на возраст которых обращаешь внимание в последнюю очередь...

Мы с тетей молча слушали.

– Впервые в жизни меня кто-то боготворит, – уже тише продолжала Капа, опуская глаза и нервно выдергивая из подола своего платья какие-то мелкие ниточки. – Впервые за столько лет кто-то находит красоту в моих руках, губах, глазах, кто-то смотрит на меня так, как будто хочет проглотить целиком – всю, всю! Я знаю – меня осудят, осудят безжалостно, будут обвинять во всем: в глупости, в нимфомании, но я не хочу рассуждать, не хочу думать, за что он меня любит, не хочу, не хочу, не хочу!!! Дорогая, я понимаю – единственное, чем можно отблагодарить его за мою весну, это обеспечить – хоть немного! – его будущее... Я сделала это, оформила какие-то бумаги... Но он тоже благодарит меня, да! Он пишет мой портрет. Он пишет его каждый день и говорит, что это будет его первая настоящая работа, что этот портрет – наше все... Я еще не видела портрет: Вадик запретил на него смотреть, пока он не закончит! Но здесь, в этой комнате, на этом самом месте, он раскладывает свой этюдник каждый вечер! И это – время моего триумфа!!!

Капа рухнула рядом с нами на диван и заплакала. Мутные от пудры слезные потеки исчезали в складках ее лица, вновь появлялись на подбородке, собирались в крупные капли и стекали в разрез ворота платья. Сейчас она казалась действительно очень старой.

Острая жалость к ней заставила меня промолчать и отвернуться.

* * *

А потом была свадьба.

...Невеста ждала. Она восседала в кресле под картинкой с глупым гусаром, в парадной шелковой блузке с пышными жабо и манжетами, и ее нервные пальчики, как всегда, что-то теребили – на этот раз крахмальную столовую салфетку. За ее спиной, ободряюще положив руку ей на плечо, спокойно стоял Вадик. Не могу судить, насколько смущала или забавляла жениха эта ситуация, но выглядел он подчеркнуто скромным. И только пробивающийся сквозь пушистый ворс ресниц лукавый блеск его лазоревых глаз заставлял гадать, так ли уж бесхитростно Вадиково немногословие.

Диван был отдан в распоряжение странной пары. На нем сидели молодая женщина лет тридцати семи – сорока и дама примерно Капиного возраста. В молодой с первого взгляда угадывалась Илона, сестра Вадика, – все то же медовое золото волос, гладкая шелковистость бровей и ресниц, тон-

кий нос и насмешливый взгляд. В ее кукольной красоте было что-то нереальное, фарфоровое, преувеличенное, почти пасторальное, хотя в то же время нельзя было не заметить, что она намного старше Вадика.

Очень странно смотрелась с нею рядом высокая, очень худая женщина с черным ежиком волос, остриженных, что называется, «под расческу».

Особенно впечатлял ее наряд: на плоской фигуре болталось нечто бесформенное, больше всего напоминавшее сшитый из мешковины балахон с бахромой по подолу. По талии хламида опоясывалась длинным цветастым кушаком. Дикий, я бы сказала, наряд для дамы, давно уже перешагнувшей через пору пенсионного возраста!

У женщины была очень маленькая голова, тощие руки и шея с выступающими ключицами, смуглая, покрытая частыми точками родинок кожа и черные сухие глаза. Поверх ее странного одеяния гроздьями висели и беспорядочно переплетались между собой бисерные нити, цепочки, связки бус и деревянных амулетов, которые при каждом движении хозяйки издавали шелесты, скрипы и негромкие дробные постукивания.

Незнакомка непрерывно курила и стряхивала пепел куда попало, что заставляло Илону слегка морщиться и брезгливо отодвигаться, оберегая свой светлый брючный костюм. Но курильщица не обращала на нее никакого внимания.

– ...и можете себе представить, мы познакомились на вы-

ставке авангардистов, – отрывисто говорила она очень низким голосом, заполнявшим абсолютно все пространство Капиной гостиной. – Его нельзя было не заметить, представьте, такой мажор в джемпере и галстуке – на нашей выставке! А я стою в такой шумной толпе, помните, как все тогда было? – драные джинсы, длинные волосы, фенечки... Вот. И представьте, я сама к нему подошла, первая! Он стоял возле моей скульптуры, представьте, это была «Радуга в ночи» – такое переплетение чувств и глины, сплошная экспрессия, – а вечером мы ушли вместе, я комнату тогда с мастерской снимала, и представьте, в тот день он и пальцем меня не тронул! Все время говорил, говорил, его прямо как прорвало, – все о живописи, представьте, он вообще-то работал инженером, но оказывается, тоже писал! Вот так все и началось, в конце концов в один прекрасный день он вскружил мне голову! Да так, что меня тошнило девять месяцев. А он все не решался – представляете, он старше был на двадцать лет, но Илона вот-вот должна была родиться, и это все решило, все...

– Мама, это все безумно интересно, – оборвала ее Илона, – но сюда нас привели отнюдь не твои покрытые пылью воспоминания.

– Да-да, Илоночка, не беспокойтесь, – поспешила сказать Капитолина, которая слушала свою («Свекровь? – вот глупость-то!» – промелькнуло в моей голове) с преувеличенным вниманием. – Я так рада познакомиться с вами и вашей мамой! Не беспокойтесь, девочка, я очень, очень люблю лю-

дей искусства – я и сама в некотором роде к ним принадлежу...

Илона пожалала плечами, встала и подошла к окну, повернувшись к нам спиной, – в каждом ее движении сквозила уверенность в том, что она делает что-то очень красивое и значительное.

– Мы ждем Борю с Зиной, – пояснила нам Капа, – и Светочку тоже... а пока просто так... болтаем...

Она хотела еще что-то сказать, но тут эту короткую тишину насквозь прорезал резкий зуммер дверного звонка. Этот звук почему-то произвел на Капитолину парализующее действие: она конвульсивно вздохнула и прилепилась к спинке кресла, как будто наколотая на нее собственным страхом.

– Женечка, открой, – просипела она и махнула мне рукой со все так же зажатой в ней салфеткой. – Это Борюсик... и... и... Зина...

Как видно, Зины Капа боялась больше собственных сына и внучки.

Я усмехнулась про себя, шагнула за порог и загремела дверным замком. Собственно, дверь не понадобилось даже открывать – ее створка (вместе со мной) отлетела к стене, а через коридор кенгуриными скачками пронеслась Зинаида – я успела увидеть только ее спину, обтянутую старомодным летним плащом.

Толстый и, как всегда, какой-то снулый Борюсик несмело топтал сзади. Мешковатые штаны с отвисшим задом и ско-

шенные внутрь каблуки старых ботинок делали его увядшую фигуру особенно жалкой. Можно было понять, что Капин сын мечтал оказаться где угодно, только не здесь – пусть даже в своем рабочем кабинете педиатра, среди сопливых носов и младенческих опрелостей. Замыкала шествие их дочка Светочка: пухлое тринадцатилетнее создание с прыщавым лбом и немного косолапой папиной походкой.

– Так... значит... ВСЕ-ТАКИ??! – прошипела Зинаида. Она остановилась посреди комнаты и обвела всех нас таким взглядом, от которого более мелкие млекопитающие сразу попадали бы замертво.

– Что? – пискнула Капа и от страха дернула ножкой. – Здравствуй, Зиночка, здравствуй, сыночек... Светочка...

– Вы все-таки ПОЖЕНИЛИСЬ?!

– Но, Зиночка...

– Что ж!..

Зина сорвала с себя плащ – нас обдало соленым потным духом – и с размаху плюхнулась на свободное кресло. Со своего места я видела ее затылок, увенчанный неопрятной рогулькой взмокших у шеи черных с ранней проседью волос. На ее шее и висках виднелись блестящие, прочерченные крупными каплями пота дорожки.

Борюсик пристроился за спиной у супруги и индифферентно уставился в потолок. Дочка Светочка независимо подперла стенку своей круглой попойкой.

Возникла пауза, напоенная такой ненавистью, что ее мож-

но было добывать в этой комнате промышленным способом.

– Как бы там ни было, а мы собрались здесь для того, чтобы принести вам свои поздравления, – бодренько сказала теть Мила, поднялась и звонко чмокнула в щеку Капитолину.

– Да, братец, и я тебя поздравляю, – рассеянно сказала Илона, не оборачиваясь.

– Милые мои, самое главное – то, что вы близки по духу, – прогудела мать жениха под аккомпанемент треска своей бижутерии. – Ваш союз – торжество разума и единения душ, а плоть, поверьте мне, она вторична...

– Ах ты, сучка!!!...

Раиса вздрогнула и отпрянула от Зинаиды, которая уже поднялась со своего места и, уперев руки в бока, нависала над нею. Еще секунда – и Зина просто откусила бы матери жениха ее стриженую голову, но тут снова вмешалась тетя Мила.

Она громко стукнула в ладоши:

– Все-все-все! Разговоры закончились, давайте пить, есть и веселиться – у нас свадьба! Первый тост – за счастье молодых! Мужчины, – она оглянулась на молчавшего Борюсика, – разливайте шампанское! Женщины, усаживайтесь, усаживайтесь, давайте – все к столу, к столу...

Тетушка завертелась, засуетилась, завелась, застрекотала сыпучей скороговоркой – и в конце концов все мы, сами того не заметив, оказались рассажеными за большим, сверкавшим антикварной Капиной посудой столом. В бокалах кипе-

ло шампанское. Розовые куски семги, языка и других яств исходили слезами, салаты ссыпались в тарелки – и я последний раз убедилась в том, что возможность хорошо пожрать на халяву примирила бы на время даже бен Ладена и американского президента.

Между нами бесшумно сновала коренастая крепенькая девчушка в синем форменном платье. Как объяснила Капа, это была Лида – официантка из ближайшего ресторана. За умеренную плату Лида подрядилась взять на себя обслуживание Капиных гостей.

Немного отмякшая после своего ступора Капитолина отпивала шампанское мелкими глоточками и часто облизывала губы. Некоторое время тишину нарушал только скрип индюшачьих костей на зубах гостей.

– Знаете, Раечка, – начала Капа и повернулась к Вадиковой матери с бокалом в маленькой лапке, – мне так приятно, что вы не стали осуждать нас... У вас с Вадиком такое взаимопонимание – такое, такое! – это редкость сегодня! Он говорил мне, что вы все поймете, но я так страшилась нашей с вами встречи, так волновалась, места себе не находила – просто как девочка...

– Напрасно, напрасно, – прогудела Раиса. – Своих детей я воспитывала по японской системе: ничего им не запрещала. Ребенок должен сам найти то место, в котором он почувствует себя полностью гармонично. Главное – не мешать! Тем более что Вадик рос очень талантливым мальчиком! Просто

он все время в поиске, и здесь для матери главное – не мешать. Он должен сам, самостоятельно, отобрать для себя все нужное. В том числе и людей, с которыми ему комфортно, чтобы начать творить. А творчество...

– Чушь собачья! – отрезала Зинаида. – Не хочешь детей воспитывать по-человечески – не рожай и не позорься! А если обзавелась дитем – расти его как следует, без всяких там ваших япошских технологий, ясно? Чтобы он потом тебе мог в ножки поклониться за все заботы! Это нынче редкость. Есть такие матери, которые о сыновьях-то и внучках в последнюю очередь думают. Потому что им вдруг замуж приспичило!

– Зиночка, деточка моя родная, ну зачем же ты меня обижаешь, – робко встряла Капитолина. – Сама подумай: разве я не заботилась о Борюсике? Боже мой, да я неделями глаз не смыкала! Борюсику всего шесть лет было, когда мы остались с ним вдвоем. Это ужасный год был, мальчик все время болел, то одно, то другое – грипп, корь, сальмонеллез, а потом он как-то подцепил от одноклассника свинку... Мальчик чуть не умер тогда! Лежал, помню, вот на этом диванчике, такой безучастный, мокрый, горячий – а лицо раздувшееся, глаза, как щелочки; наклонюсь я над ним – он весь жаром пышет, меня почти не слышит, как же я боялась за него, господи!.. И эти мои вечные гастроли, я ведь звонила ему из каждого города; а подарки? Когда он попросил мопед, я продала свои лучшие сережки...

– Не помню, чтобы я уж так часто болел, – негромко и как-то растерянно пробормотал Борюсик, поднимая на нас водянистые глаза с набрякшими веками. Он крайне неаккуратно ел и сейчас уже сидел, весь обсыпанный крошками и сахарной пудрой. – Свинка – это вообще редкое сейчас заболевание, уж поверьте педиатру, а мопед я скоро забросил...

– Я всегда старалась быстро поставить тебя на ноги, вот ты и не помнишь о своих болячках, – отмахнулась Капа. – А сейчас ты вырос, ты, слава богу, взрослый, семейный человек, и поэтому я, мне кажется, могу позволить себе...

– Давайте сменим тему! – Я жестом попросила официантку наполнить бокалы. – И чтобы покончить с этими выяснениями отношений, нужно просто всем дружно выпить под торжественный тост. И конечно, это будет тост за счастье молодых!

Зинаида демонстративно отставила от себя фужер. Борюсик тряхнул головой, как будто отгоняя какую-то неприятную мысль, и последовал примеру остальных, уже потянувшихся к новобрачным со своими бокалами. Раздался переливчатый звон, мы дружно выпили. Капа метнулась к магнитофону, стоявшему на этажерке, и полилась бодрая музыка. Все застучали стульями, по комнате пошло движение – Борюсик, разминая в пальцах сигарету, направился в кухню, Раиса, не обращая ни на кого внимания, раскинула руки в танце, дочка Светочка потянулась через стол к вазочке с бананами, Илона листала какой-то женский журнал... слава

богу, напряжение наконец спало.

Вадик, который до сих пор не проронил «на публику» ни слова, обеими руками нежно обхватил лицо покрасневшей жenuшки:

– Я люблю тебя! Умереть мне на этом месте, если я не люблю тебя! – прочувствованно сказал он и, наклонившись, крепко поцеловал ее в губы. Капитолина усталым счастливым движением опустилась в свое кресло, машинально комкая в дрожащих пальчиках салфетку. Вадик сжал ее руку, не глядя, подхватил со стола свой фужер, запрокинул голову и залпом влил в себя золотистую жидкость.

...А в следующее мгновение его ноги некрасиво подкосились и проехали по краю бежевого ковра, все мы замерли и в каком-то страшном оцепенении не сводили с Вадика глаз – потому что он падал, падал навзничь, запрокинув голову и некрасиво распялив рот, хрипя и стаскивая на пол скатерть, и белоснежное полотно уползало за ним, увлекая за собой фарфоровые салатницы и хрустальные фужеры на длинных тонких ножках...

* * *

Мы бросились к нему.

Уже ясно, предельно ясно было, что он мертв – застывшее выражение его глаз и горький запах миндаля четко дали знать это, – а мы еще пытались что-то сделать с этим мерт-

вым телом, суетясь и бестолково толкая друг друга, бесконечно долго тормоша его, поднося к его полуоткрытым губам зеркало и липкими от страха пальцами нащупывая хотя бы слабое биение пульса. Я отступила первой, и, пятясь, почти автоматически села на свое место.

На какое-то время я перестала воспринимать какие бы то ни было звуки. И, как в немом кино, видела только, как стоявшая на коленях возле мертвеца Илона закрыла лицо руками, и плечи ее задрожали, а Раиса без единого слова упала всем телом на труп – ее молчание было особенно пугающим. Борюсик снял очки и сосредоточенно нахмурился, остальные медленно отходили от тела и тихо вставали поодаль, подпирая спинами стены этой комнаты, нарядность и праздничность которой казались теперь такими нелепыми.

Я перевела взгляд на Капитолину. Маленькая седенькая старушка, по-прежнему прижимая к губам крахмальную салфетку, окаменев, сидела в кресле у стола и не сводила глаз с умершего. Вдруг она издала глубокий, протяжный стон – больше похожий на поскуливание (и его я расслышала) – и закрылась от нас сморщенной ручкой с зажатой в птичьих пальцах все той же салфеткой. Еще через секунду ее кругленькая фигурка обмякла в кресле, а изящно прибранная головка завалилась набок.

Раиса закричала.

– Замолчите, – оборвала ее я. Я уже стояла возле Капы и энергично оттягивала вверх ее морщинистые, как у черепа-

хи, веки.

– Что с ней? – просипела Раиса, холодея.

– Обморок.

Я пересекла комнату и взялась за трубку телефонного аппарата. На диске я накрутила всего две цифры.

– Убийство, – сухо бросила я в трубку и назвала адрес.

– Уби...

Приподнявшая было голову, Капа вновь откинулась на спинку кресла, закатив глаза. Эти желтоватые белки на фоне густо напудренного лица, мучнистые дорожки от слез и дряблый мокрый подбородок – тетушкина подруга быстро потеряла свой ухоженный вид.

Стук брошенной на рычаг телефонной трубки показался особенно громким – я вздрогнула, не сразу сообразив, что этот звук совпал с отчетливым хлопком входной двери.

– Сбежала. Эта... – Зинаида пощелкала в воздухе сухими пальцами, – ну та, что вместо официантки у вас...

– Лида?!

– Ну да.

Время, оставшееся до приезда милиции, все мы провели в молчании. Тишину нарушали только мокрые всхлипы Капы, которая все-таки пришла в себя после нескольких энергичных пощечин. Она слегка поскуливала – мягкий седой хохолок на макушке мелко подрагивал в такт – и по-прежнему мяла в руке салфетку, покрывшуюся следами раскисшей ее туши и румян.

Вскоре просторный коридор и обе комнаты наполнились молчаливыми людьми, которые мало обращали на нас внимания. Скорчившееся на полу тело было сфотографировано, контуры его обведены мелом, молоденький эксперт, хмурясь, осторожно обметал мягкой кисточкой уцелевшие бокалы и тарелки. Последней в дверном проеме возникла узкая фигура в клетчатом пиджаке и несвежей рубашке – и явление этого человека оказалось для меня неприятным сюрпризом. Ибо со следователем Курочкиным лично у меня связывались далеко не самые симпатичные воспоминания.

Откуда-то появились равнодушные санитары с носилками, и мертвое тело понесли к выходу. Голова покойного запрокинулась, его спутанные кудри упали на глаза, белая рука в неестественном изгибе свесилась через борт носилок – он походил на разломанную, не подлежащую ремонту куклу, которую выносят в утиль.

– А-а-а! – тоненько завывала Капа, когда санитары прошли мимо нее со своей скорбной ношей. Пытаясь заглушить собственный крик, старушка почти до половины запихала в рот измочаленную салфетку, но сквозивший в вопле тоскливый ужас донесся до нас даже сквозь этот импровизированный кляп.

– Это ваш сын? – тихо спросил Курочкин у Капы и участливо положил руку ей на плечо.

– Это... Это – мой муж! – взвизгнула Капа и в третий раз впала в бессознательное состояние, свалившись, как мешок,

прямо под ноги ошарашенному следователю...

* * *

Нужно ли говорить, что в эту ночь мы с тетей Милой не могли уснуть?

Я лежала, закинув руки за голову, и слушала, как тетушка со вздохами ворочается в соседней комнате, то и дело встает с кровати и пьет валерьяновые капли. Нам пришлось оставить Капитолину в ее квартире, на руках у Илоны, хотя тетя Мила настойчиво уговаривала подругу поселиться на даче: «Как же ты будешь одна переживать весь этот ужас?!»

Но Капа отказалась, и на дачу мы вернулись вдвоем.

И вот теперь не спали.

Я лежала, слушала, как тетя Мила жалобно вскрикивает, задремывая на минутку, и размышляла.

Первая заповедь любого следователя – ответить на вопрос: «Кому это выгодно?» Против своей воли, я не могла прогнать прочь воспоминания о том, чем закончился сегодняшний вечер. Вадик убит. Убит молодой муж престарелой дамы. Совершенно противоестественный сюжет!

У кого из присутствующих в тот вечер была веская причина желать смерти Вадику? Вообще-то, ответ на этот вопрос лежит на поверхности: Зинаида настолько противилась браку своей свекрови с этим молодым человеком, что сама поставила себя в начале списка подозреваемых.

Потом есть еще Борюсик, он тоже вряд ли обрадовался перспективе получить в отчиму юношу младше себя!

Ну, понятно, Светочка – она тоже могла разделять взгляды родителей... Хотя ребенка я бы не стала записывать в подозреваемые... Но с другой стороны, у Агаты Кристи в одном из романов серийным убийцей была одиннадцатилетняя девочка! – о черт, о чем я думаю, ну при чем здесь Агата Кристи?! Где бы Светочка смогла раздобыть отраву? Это и взрослому-то сложно сделать... Итак: Зинаида, Борюсик, и – ну ладно, пусть будет Светочка. Затем... Илона. Могла она отравить брата? Можно допустить и это. Собственно, что я о ней знаю? Ничего, ровным счетом ничего – нуль. Может, братец ее в детстве как-то раз больно за косичку дернул, она и затаила на него обиду? Хотя нет, какая косичка – она его сташе лет на десять, а то и больше! Ладно. Кто там еще остается – сама Капа? Трудно придумать для нее повод... ревность? К кому? Нет, это не то. Теперь... Неясно и подозрительно, почему сбежала эта официантка, как ее – Лида? Да, кажется, Лида. Она даже милиции не дождалась, им теперь придется эту Лиду разыскивать – такая головная боль! Короче говоря – еще одна подозреваемая! В общем... В общем, никого нельзя исключить, никого! Разве что меня и тетю Милу... О господи!

Я потеряла виски и резко тряхнула головой, чтобы раз и навсегда изгнать из нее эти дикие и, надо признаться, совершенно ненужные мысли. Не собиралась я заниматься этим

делом – еще не хватало! Нехай доблестная милиция ломает себе голову. А я...

– А я буду спать! – вслух сказала я самой себе и решительно перевернулась на другой бок.

* * *

На следующий день мне позвонила Илона.

– Женя... То есть, простите, Евгения Максимовна, – начала она, и я услышала, что голос ее дрожит, хотя женщина изо всех сил старалась сохранять самообладание. – Вы не могли бы... не могли бы со мной встретиться? У меня к вам очень важное дело. Мне нужна помощь. Конечно, вы имеете полное право отказаться, но... Видите ли, Женя... то есть, простите, Евгения Максимовна...

– Можно просто Женя.

– ...Женя, я хочу попросить у вас совета.

– Что-что?

– Вы ведь телохранитель, правда? Ну так вот, мне нужна помощь. Срочно!

– Вы напуганы тем, что произошло вчера? Смертью вашего брата?

– Нет... то есть да, смерть брата... но дело в том, Женя... Дело в том, что кто-то... кто-то как будто поставил перед собой цель истребить всю нашу семью!

– ?!

– Да. Поверьте, я знаю, о чем говорю! Женя, мы можем встретиться?

– Приезжайте.

Она спросила адрес дачи и отключилась. А через час она уже сидела на том самом месте, где совсем недавно сидела Зинаида. И точно так же нервничала, только, конечно, не билась в истерике. Обхватив руками плечи, Илона пыталась унять дрожь, которая то и дело пробегала по ним, будто кто-то периодически пропускал через ее тело электрический ток.

К счастью, тети Милы в этот час на даче не было. Она поехала навестить Капу.

– Илона, вы пришли поговорить о своем брате? – спросила я.

– Нет... то есть не совсем, – она снова поежилась, а потом, сделав горлом движение, как будто пытаясь что-то проглотить, резко выпрямилась в кресле. – Я хотела рассказать вам, Женя, о том, что произошло несколько дней тому назад. Дело в том, что смерть Вадика... она не первая! Я хочу сказать, – Илона резко вскинула голову, – что это не последнее покушение. И... и не последнее убийство.

– Вот как? Кого же хотели убить еще?

– Мою дочь.

– У вас есть дочь?!

Черт его знает, почему я так удивилась. Почему бы Илоне, в самом деле, не иметь дочери? Но до сих пор образ этой фантастически красивой женщины не монтировался у меня

с семейным очагом. Ей бы на подиум...

– У меня две дочери, – улыбнулась Илона вымученной улыбкой в ответ на мое удивление. – Одна еще совсем девочка, подросток. Собственно говоря, она... но это неважно. А вторая в этом году перешла на второй курс мединститута.

– Ого! Сколько же вам лет, если не секрет?

– Тридцать девять. А что?

– Да нет, ничего. Продолжайте.

– Да. Так вот... Вчера вечером... возвращаясь с этой... свадьбы... я нашла Марину... полуживой. Понимаете, ее избили, избили до бессознательного состояния!

– Погодите! Ничего не понимаю! Что значит «я нашла Марину»? Где «нашла»? Дома? На улице?

– Нет... в подъезде.

– В вашем подъезде?

– Нет...

– Расскажите все толком.

– Да, я попробую.

Если изложить эту историю телеграфным стилем, то получится примерно так: Илона рано вышла замуж за человека много старше себя. В этом году они с мужем, ставшим за это время успешным бизнесменом и авторитетным в городе человеком, собираются отпраздновать двадцатилетие совместной жизни. Марина была их старшим ребенком. С детства она дружила с одноклассником, мальчиком «из не очень благополучной семьи», как деликатно выразилась Илона, но

демократичные родители не противились этой дружбе: первая любовь, казалось им, – это несерьезно. Этой весной Алешу, так звали юношу, забрали в армию. Марина очень по нему тосковала и часто навещала мать своего возлюбленного, сильно пьющую женщину по имени Антонина, жившую в одной из полусгнивших панельных хрущевок на окраине города.

Именно туда, в эти трущобы, Илона и пошла искать свою дочь сразу после того, как вернулась со вчерашней свадьбы, закончившейся так страшно.

Тут я перебила ее:

– Скажите, что значит «пошла искать»? Во-первых, зачем вообще нужно было искать дочь, ведь вы же знали, куда она ушла? А во-вторых, почему нельзя было сначала просто позвонить?

– Конечно же, я позвонила! Сразу после того как меня допросили... после... после того, что случилось вчера на свадьбе. Я стала названивать Марине, но она не отвечала. Это было так странно! И потом... тревога! Она меня не покидала. Все время брат стоял перед глазами – то, как он умирал... Мне хотелось, чтобы обе дочери были дома, со мной.

– А муж?

– Он в командировке.

– Так, хорошо, и что же дальше?

Телефон Марины не отвечал, и Илона, несмотря на поздний час, решила поехать на ее поиски. Оставив машину в

единственном освещенном дворе, она пешком пробиралась к нужному строению. Был двенадцатый час ночи, на улицах уже стемнело, а над фонарями как следует поработала местная пацанва с рогатками.

Войдя в искомый подъезд, Илона щелкнула зажигалкой, огляделась по сторонам и повела вокруг себя маленьким пламенем. И тут же почувствовала, что голова у нее закружилась: в полуметре от нее, на полу, из-за закутка, ведущего к подвальной двери, виднелись кровавые пятна и белела чья-то безжизненная рука!

На крик женщины разом открылись все четыре двери на первом этаже! Люди засуетились, вынесли фонари, зажигалки, затем трое самых крепких с виду мужчин потащили к свету человека, лежавшего у подвальной двери. И прижавшаяся к стене Илона узнала в этом теле Марину...

Девушка безжизненно повисла на чужих руках, ноги ее почти касались пола. Она была одета в льняной костюм, по которому продолжали расплываться пятна крови, и в легкие туфли из тонкой кожи; когда Марину поднимали, голова ее запрокинулась, длинные волосы соскользнули вниз – и тут присутствующие невольно отшатнулись: все лицо девушки представляло собой сине-лиловую распухшую массу. Марина была так избита, что глаза и губы почти не распознавались на лице, а из разбитого и, по-видимому, сломанного носа сочилась уже не кровь, а бурая сукровица.

– Она без сознания, – констатировал кто-то из соседей, приложив ладонь к жилке на Марининой шее.

– «Скорую» уже вызвали, – ответил другой голос.

До приезда «Скорой» Марину положили на пол, и одна из соседок с опытом профессиональной медсестры осторожно осмотрела девушку.

– На первый взгляд ранений и переломов нет, только сильные ушибы... Кровь – это из носа вся, наверное... Кто-то очень долго и методично ее избивал. По лицу, по голове... по груди... Жестокость просто нечеловеческая! – с трудом говорила Илона, стараясь сохранять хотя бы видимость спокойствия. – Вскоре приехала «Скорая», и Марину увезли. Я, конечно, поехала с нею. Сейчас она в больнице. В «травме».

– Ваша дочь серьезно пострадала?

– У нее множественные ушибы. Сломан нос. Все это так страшно...

– Вы не поняли меня, Илона, – я спрашиваю: ее жизнь вне опасности?

– Травмы не смертельные, если вы именно это имеете в виду. Но, Женя, – тут она взяла меня за руку, и я почувствовала ледяной холод, исходящий из ее пальцев, – Женя, посудите сами, могу ли я быть спокойна?! Вчера убили брата, избивали мою дочь... Кто знает, что будет дальше? Я чувствую, как этот ужас кольцом сжимается вокруг нас, просто физически чувствую! И мужа нет! Мне просто не на кого опереться, Женя! Мне страшно!

– Я понимаю ваше состояние, но...

– Женя, умоляю, помогите мне!

Трудно было отказать этой женщине, выкрикнувшей свою отчаянную просьбу с такой внутренней силой. Я приняла решение раньше, чем она выложила передо мной свой последний аргумент:

– Я вам хорошо заплачу. Мы с мужем – состоятельные люди, поверьте. Я заплачу вам столько, сколько вы назначите сами. Я не торгуюсь!

– Илона, я не отказываюсь, а просто пытаюсь понять, чего именно вы от меня хотите. Что значит – «помогите»?

– Вы не могли бы... не могли бы охранять Марину? По ночам?

– По ночам?

– Да, днем в больнице дежурить не разрешают. Говорят, это против правил, и еще что-то... Но, я думаю, днем, на глазах у всех, Марину и так никто не тронет. А ночью...

– Да, я понимаю.

– Мы уже наняли ей ночную сиделку, но сиделка – это все-таки одно, а телохранитель... Так вы согласны, Женя? Ох, я вам так благодарна! Я так и знала, что вы мне не откажете. Я и в больнице уже обо всем договорилась. Приезжайте туда сегодня, к восьми вечера, ладно? – Илона назвала адрес больницы и поднялась.

Я ее остановила:

– У меня к вам еще несколько вопросов. Они достаточно

банальны, но задать их необходимо. Итак, вопрос первый: у вашей дочери были враги?

– О боже, нет! Никогда. Мариша – тихая, замкнутая девочка. У нее и друзей-то, кроме этого мальчика, Алеши, можно сказать, и не было...

– Что собой представляет это мальчик?

– Приятный, вежливый юноша. Нам известно, что его мать, Антонина, сильно выпивает. И, кажется, брат его тоже не из очень хорошей компании. Но к самому Алеше у нас претензий нет. Они с Маришей вместе чуть не с первого класса, понимаете? Вот почему бесполезно было запрещать им встречаться. Мы с мужем надеялись только на время. Вот забрали мальчика в армию, а Мариша поступила в институт, и все могло случиться само собой...

– Случиться – что? Случиться так, что их отношения прекратились бы?

– Да, конечно. Все-таки понимаете, Мариша и Алеша из разных социальных слоев... Они не пара. По этой причине... вы же понимаете, о чем я, Женя? По этой причине мой муж и я не стали принимать никаких мер, когда Алеше пришла повестка в армию. Хотя Марина очень нас просила.

– Просила «откупить» его?

– Ну да, вы же понимаете, что варианты всегда существуют.

Я хмыкнула. Да уж, варианты существуют всегда. И имя этим вариантам – деньги!

– Еще я хотела бы спросить вас о вашем брате... Простите, я понимаю, как вам тяжело отвечать на эти вопросы, но если между его убийством и покушением на вашу дочь есть связь...

– Спрашивайте. Я все понимаю.

– Вопрос, собственно говоря, тот же самый: у него были враги? Ну, или, так скажем, – недоброжелатели, завистники?

– В последнее время мы почти не общались. Нет, мы не ссорились, ничего такого, просто так получилось. У меня семья, а он, в сущности, был еще мальчиком. Собственно, виделись-то мы только на семейных праздниках. Даже и не перезванивались почти. Поэтому я ничего не знаю не только о его недругах, но и вообще о тех, с кем брат поддерживал знакомство в последнее время. Хотя, постойте! Как-то раз, весной, кажется, он пришел ко мне на работу. Занял немного денег... И пришел не один. С ним была девчушка, почти девочка, во всяком случае, рост у нее был, как у школьницы, но фигурка на вид крепенькая, сформировавшаяся уже. Черненькая такая девочка, в дутой куртке, с челкой. Они стояли обнявшись – и, кажется, были счастливы, довольны, во всяком случае. Брат представил ее как Сашу. И... и... что же еще... кажется, эта Саша тоже художница? По крайней мере, у меня сложилось о ней такое впечатление, не помню сейчас, почему...

– Ну вот. Может быть, это очень много значит – а может быть, и ничего. Теперь второе: вы сказали, что брат заходил

к вам занимать деньги. И часто это случалось?

– Да как вам сказать... в общем-то, не очень. Он обладал определенной гордостью и не хотел, чтобы о нем говорили – дескать, живет парень на содержании у богатой сестры. Да и сама я, честно говоря, не особенно поощряла его в этом смысле. То есть я не собиралась снабжать Вадима деньгами постоянно, лишь изредка. И еще, брат сам очень желал добиться признания, стать известным портретистом – господи, детство какое, как будто это возможно в наше время, да еще и рисуя портреты в парке, для первых встречных!

В уголках ее глаз сверкнула влага, Илона спрянула лицо в ладонях и отвернулась. Помолчав, она сказала сдавленным голосом:

– Впрочем, сейчас это все уже неважно. Я рада, что мы с вами договорились. Мы ведь договорились, правда, Женя?

– Да, да. Вечером я приеду в больницу. И знаете, что? Дайте-ка мне адрес этой Антонины.

– Матери Алеши?

– Его. Не исключено, что эта женщина может что-то знать. Я к ней съезжу.

* * *

Я поднялась на нужный этаж и постучала, но на мой стук никто не отозвался.

Более того – расштанная перекошенная дверь вообще

была слегка приоткрыта. Из темного зева запущенной квартиры на меня пахло каким-то резким, неприятным, но странно знакомым запахом. Больше ничего – ни звука, ни скрипа...

Узкий коридорчик с выщербленными полами.

Комната – почти без мебели, с грязными обоями, кое-где свисающими рваными полосами.

Еще комната – точно такая же.

Кухня. Расшатанный стол, покрытый клеенкой, которую давно не протирали. Два колченогих табурета – ножка одного из них примотана к основанию синей изолентой. Батарея пустых бутылок на столе.

А в санузле...

Там я увидела чье-то полное тело в полинявшем сатиновом платье. Тело наполовину перевесилось через край большой чугунной ванны с облупившейся эмалью. Ванна была до самых краев наполнена мутноватой водой – хлюпало даже на полу под ногами, и на давно не беленных стенах проступили влажные пятна.

Огромные ноги Антонины были неловко подогнуты на скользком полу, ее толстые руки, плечи и голова полностью скрывались под водой. Неровно окрашенные волосы слегка шевелились, как диковинные водоросли, покрытые мелкими пузырьками. Меня затошнило...

Стиснув зубы, я попыталась вытянуть это тучное тело из ванны, но оно даже не сдвинулось. Тогда я попробовала при-

поднять только Антонину голову, обхватив ее руками, и на поверхности воды показалось ее раздутое сизое лицо с открытыми остекленевшими глазами. Мертвая – в этом не было сомнений! – мертвая Антонина смотрела прямо на меня. Руки мои соскользнули с ее плеч, и голова утопленницы с глухим всплеском снова ушла под воду. В руках у меня вдруг оказалась мокрая веревка, свалившаяся с ее мертвой шеи.

Я вышла в коридор, увидела старенький телефонный аппарат с треснувшим диском, подняла трубку и набрала «ноль два». Потом, подумав не больше секунды, подняла с полу какую-то тряпку и тщательно протерла саму трубку и диск телефона.

Все...

Следующие десять минут я просто кружила по городу на своей машине. Собирать в кучу события последних дней и пытаться провести между ними какую-то логическую цепь было делом бессмысленным. И прежде всего потому, что никакой логикой здесь и не пахло.

Владик отравлен. Марина избита. Антонина убита... Стоп! Между прочим, пока лично еще не установлено, действительно ли Антонину убили. Маловероятно, конечно, но чисто теоретически – могла она спяну сама свалиться в воду и захлебнуться? Могла. Наклонилась над ванной для чего-то – да хоть воды из крана захотела попить! – и бултых. Таких происшествий с пьющими людьми на памяти опытных следователей больше, чем кажется. «Но! – тут же возразил мне

мой внутренний голос. – Только не в этом случае!» Почему? А вот почему: кран с водой был завинчен. А ванна наполнена до краев – когда убийца толкнул Антонину в воду, то, по закону Архимеда, немало жидкости вылилось на пол, там же хлюпало... В самой же ванне ничего, кроме тела, не было. ни там, положим, замоченного белья, ни куска мыла... Значит, воду налили туда специально, в целях убийства. И еще. Неизвестно, какого сложения был убийца, но сила у него отнюдь не богатырская – это уж точно. Потому что он не смог перетащить Антонину в ванну, если так можно выразиться, целиком. Нижняя часть тела убитой оставалась на полу, колени ее подогнулись... А ведь чтобы создать видимость того, что пьянчужка захлебнулась по пьяни, можно было бы раздеть тело и полностью погрузить его в воду, бросить на пол бутылку шампуня, мочалку... Итого: убийца геркулесом не был. Но и совсем слабаком, конечно, тоже: все-таки ворочать такое тело, перетаскивать его из комнаты и пихать в ванну – сила нужна, и немалая.

И еще. На шее убитой была веревка. Скорее всего, Антонину сначала пытались задушить, а в ванной, полной воды, это сделать крайне трудно. К тому же там не было видно следов борьбы. То, что он ее все-таки не задушил, кстати, лишний раз подтверждает мою версию об отсутствии у душегуба богатырской силы...

И последнее! Антонина, конечно, знала убийцу и не боялась его, потому что безбоязненно впустила этого человека

в квартиру, – это ясно. Совершенно точно, что у убийцы не было ключа от квартиры жертвы. Иначе он запер бы за собой дверь, а она была даже приоткрыта. А ведь замкнутая на ключ дверь, во-первых, усложняет расследование, а во-вторых, отодвигает момент обнаружения трупа – и у убийцы, таким образом, появляется возможность создать себе алиби. Вот так-то!

«Стоп! – снова возразил мне все тот же внутренний голос. – Но если предположить, что Антонину Протасову и Марину Ильинскую терзал один и тот же человек... если предположить это в качестве рабочей версии, где теория об относительно невеликой силе убийцы выглядит несколько неустойчиво. Потому что со слабым человеком Марина справилась бы».

Интересно, очень интересно... Звонок. Ага, это мой мобильник.

– Женя? – услышала я в мобильнике полузадушенный голос тети Милы. – Детка, ты можешь подъехать? Тут такие новости...

– Куда подъехать?

– Ну, к Капе...

К Капе, так к Капе. Хотя, конечно, в этом мало удовольствия.

Большое зеркало в Капиной прихожей затягивал темный тюль, такие же занавеси виднелась и на других зеркалах. Траурную обстановку довершал почти погребальный полумрак,

в который была погружена вся квартира. Единственным источником света служила приподнятая и подколотая булавкой штора в большой комнате – зазор между тканью и окном пропускал небольшую порцию солнечных лучей, каковые и освещали скрючившуюся, сложившуюся почти пополам Капу, лежавшую на диване лицом к стене.

Плед под ней наполовину съехал на пол, чулки ее собрались в неопрятные мятые складки, с одной ноги свисал разношенный шлепанец, из-под накинутаго на голову и плечи старой, вытянутой кофты до нас доносилось тяжелое дыхание, то и дело переходившее в хрипы и мокрый кашель. В комнате, да и во всей квартире, пахло лекарствами и еще чем-то, таким же густым и неприятным, навевающим печальные мысли о человеческих горестях и страданиях.

Тетя Мила присела на край дивана рядом с подругой и ласковым, но сильным движением развернула Капу лицом к себе. При взгляде на раскисшее, отекающее до почти полной бесформенности лицо Капитолины к моему горлу подступил комок. Ее еще недавно такие живые голубые глазки казались выключенными – в соленой влаге ворочались только желтые белки с расплывшейся точкой зрачка, а седые волосы, некогда покрывавшие Капину головку аккуратными волнами тщательно взбитых локонов и завитушек, теперь были похожи на свалывшуюся паутину. Капитолина подняла голову – кожаные складки под подбородком студенисто заколыхались – и издала глубокий, поскуливающий вздох. На нас

повеяло смешанным запахом слез, валокордина и несвежего старческого дыхания.

– Дорогая, послушай, – негромко сказала тетушка, взяв Капино лицо в свои сухие ладони. – Вот, как я тебе и обещала, приехала Женя. Ты узнаешь Женю? Капа! Покажи ей...

Капа вдруг стала тяжело, переваливаясь с боку на бок, подниматься и наконец встала, опершись дрожащими руками о столешницу стоявшего у дивана стола. Только тут я заметила лежавший в центре стола небольшой, когда-то сложенный вчетверо, а теперь вновь расправленный тетрадный листок. С почти мистическим ужасом Капа уставилась на загадочную бумажку и, судя по всему, страшилась даже прикоснуться к ней.

– Никакого убийцы нет, – наконец просипела она, не глядя в нашу сторону. – Никого... нет. Это он сам...

– Ничего не понимаю! – отдельно, нарочито громко сказала я.

Тетя Мила решительно протянула руку, схватила записку (Капа вздрогнула и отшатнулась с полувскриком) и через стол протянула ее мне:

– Вот, прочти! Никакого убийства не было. Вадик, – голос ее сорвался, – покончил с собой. Сам...

Не веря своим ушам, я наклонилась над листком.

На уже слегка потертом на сгибах, с синеватыми потеками следов Капиных слез по всей поверхности листке крупными буквами, почерком таким размашистым, что на каж-

дой строчке умещалось всего по два-три слова, был начертан короткий текст:

«Капа.

Сегодня я умру. Для тебя, поверь, так будет лучше – для нас обоих. Я не могу продолжать лгать тебе, а этот ужас продолжался бы ежедневно, ежеминутно, и, в конце концов, один из нас сошел бы с ума. Выход ясен: я – мужчина, и я должен покончить с этой жизнью, с собой. Я не возьму ничего, как бы меня об этом ни просили, и никогда тебя больше не потревожу. Постарайся понять меня, хотя бы по-своему. Я всегда тебя любил. Прощай навсегда».

– Где вы это взяли? – спросила я, пребывая в крайней степени изумления.

– Пришло по почте. – Тетя Мила машинально потянула в сторону концы черной шейной косынки, как будто они душили ее. – Сегодня.

– По почте?! А конверт? Где он?

Тетя Мила вяло пожала плечами и передвинула по столу почтовый конверт с двумя черными кружочками печатей. Я осторожно, двумя пальцами прихватила его за треугольный кончик и, прищурив левый глаз, тщательно обследовала со всех сторон.

– Я так и знала! Почерк на конверте и в письме – разный.

– Нет, – бесцветным голосом возразила мне Капа. – Это один и тот же почерк, просто в графе «адрес» мало места, и

ему пришлось ужиматься, писать несвойственным ему образом. Или, может, Вадик кого-нибудь попросил конверт надписать... Да и какое значение имеет почерк на конверте, господи? Ведь записку-то, записку писал сам Вадик!

– Это точно?

– Да. Это его почерк.

– Н-н-ну, допустим, – с сомнением протянула я. – А когда же его отправили, это письмо?

– Господи, ну штемпель же есть на конверте! – слабо вскрикнула Капитолина, снова тяжело забралась на диван, отвернулась к стене и укрылась с головой все той же вытянутой кофтой.

– Ну хорошо, ну ладно, – не сдавалась я, – ну а это что такое, как там? – вот: *«Я не возьму ничего, как бы меня об этом ни просили, и никогда тебя больше не потревожу»*. Что он мог взять с собой на тот свет? Свидетельство о браке?! Наследство? Капину мебель? Капсулу с цианидом? И какой идиот мог его об этом попросить? Что означает вся эта беллиберда и почему он намекает на то, что часто врал Капитолине? О чем он ей врал? А?!

– Я не зна-а-аю! – простонала Капа и опять спустила с дивана ноги в собравшихся гармошкой чулках. Во взгляде, который обессилевшая вдова адресовала по очереди мне и тете Миле, промелькнула злоба: – Не зна-а-аю-ю! Мне все равно! Оставьте меня в поко-ое – все, все!!!

Я хотела добавить, что версия о самоубийстве – самое

нелепое, что можно было бы сказать в отношении смерти молодого Капиного мужа, но тетя Мила приложила палец к губам и с очень строгим лицом указала мне на дверь.

* * *

Телефон Илоны был отключен – наверное, села батарейка, – поэтому, подъехав к больнице, я не стала терять время на дальнейшие попытки связаться с ней и напрямиком прошла в травматологическое отделение, к ее пострадавшей дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.